

УДК 81'119

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-94-101

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Чекмаева Н. А.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д., д. 4, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей коммуникативного взаимодействия в публичном академическом дискурсе.

Процедура и методы. В статье рассматриваются проявления Другого в речи говорящего в современном публичном академическом дискурсе. Методологию исследования составляет представление о диалогической природе общения и научной деятельности, применяется дискурсивный анализ.

Результаты. В ходе работы были выявлены средства, вводящие фигуру как эксплицитного, так и имплицитного Другого, сделан вывод о повсеместном присутствии данной фигуры в академическом дискурсе. Присутствие Другого разрушает монологичность высказывания, так как говорящий приводит слова Другого с определённой целью – для подтверждения, опровержения или дополнения мысли.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в анализ специфики диалогового взаимодействия в академическом дискурсе, в научный оборот введён новый исследовательский материал – ранее не изученные публичные лекции отечественных учёных-лингвистов за 2015–2020 гг., занимающихся вопросами языкознания: В. И. Карасик «Билингвизм как лингвокультурная ценность», А. В. Кирилина «Язык и пол (гендерная лингвистика)»; В. А. Плунгян «Русский язык в современном мире»; А. А. Кибрик «Язык в широкой перспективе».

Ключевые слова: русскоязычный академический дискурс, дискурсивный анализ, Другой, диалогичность, лекция

COMMUNICATIVE INTERACTION IN RUSSIAN PUBLIC ACADEMIC DISCOURSE

N. Chekmaeva*Moscow City University**4 build. 1 Vtoroy Selskhoziajstvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the specifics of communicative interaction in public academic discourse.

Methodology. The article examines the manifestation of Other in modern public academic discourse speech. The methodology of the research is based on the idea of the dialogical nature of communication and academic performance. The study relies on discourse analysis.

Results. In the course of the study, the means that introduce the figure of both the explicit and the implicit Other were identified. The conclusion was made about the ubiquitous presence of this figure in academic discourse. The presence of Other in discourse challenges the monologic nature of utterance as the speaker involves Other's words for a specific reason, which is to confirm, refute or supplement the argument.

Research implications. The results of the study contribute to the analysis of the specifics of dialogical interaction in academic discourse, new research material is introduced into scientific circulation – previously unexplored public lectures of Russian linguists in 2015–2020: V. I. Karasik's "Bilingualism as a linguocultural value", A. V. Kirillina's "Language and gender (gender linguistics)"; V. A. Plungyan's "The Russian language in the modern world"; A. A. Kibrik's "Language in a broad perspective".

Keywords: Russian academic discourse, discourse analysis, Other, dialogueness, lecture

Введение

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к исследованию академического дискурса как особой сферы взаимодействия представителей профессионального сообщества в связи с востребованностью высшего образования, а также изменениями способов трансляции научного знания. Ряд вузов системно проводит публичные лекции с последующим размещением записей видеолекций на различных видеохостингах. Подобный формат приводит, с одной стороны, к трансформации традиционной парадигмы образования, которая способствует удовлетворению запросов современного общества, а с другой – позволит сделать образовательный процесс более динамичным и интерактивным.

Анализ современной теоретической литературы показывает, что активно исследуются вопросы, связанные с проявлением языковой личности [10], когнитивным основанием оценки в академическом дискурсе [3], составляющими его основу признаками, жанровым разнообразием и коммуникативными стилями [12; 13; 15; 17], а также прагматические особенности хеджирования, или речевого отгораживания, то есть коммуникативной стратегии, позволяющей говорящему достичь цель, сохранив при этом гармоничные межличностные отношения за счёт использования особых языковых средств, снижающих категоричность высказывания [7]. Вместе с тем, как представляется, в особом изучении нуждается устный академический дискурс, в частности жанр публичной лекции, с точки зрения исследования динамики диалогического пространства говорящего ввиду необходимости исследования особенностей

взаимодействия говорящего с Другим, не получившим исчерпывающего описания в академическом дискурсе, что и делает настоящее исследование актуальным.

По мнению М. М. Бахтина, Другой – это тот, кто оказывает значительное влияние на формирование личности. Учёный утверждал, что наша речь пронизана чужими словами, которые либо принимаются и заимствуются нами, становясь нашими собственными, либо отвергаются, поскольку являются чуждыми и враждебными [2].

Ж. Отье-Ревю, вслед за М. М. Бахтиным, выявила неоднородность дискурса, вызванную присутствием в речевой цепочке говорящего слов Другого. Говорящий может обозначить его как эксплицитно, так и имплицитно. Автор говорит о двух способах эксплицитной отсылки к Другому – косвенная речь, где говорящий приводит слова Другого, пользуясь своими собственными словами, то есть выступает «переводчиком» Другого; прямая речь – говорящий чётко обозначает слова Другого как цитату и выступает его «рупором». К имплицитным средствам Ж. Отье-Ревю относит формы автонимной коннотации, выделяемые говорящим курсивом, кавычками, интонацией, и/или каким-либо комментарием [8]. Вместе с тем в работе не предложены критерии, позволяющие однозначно идентифицировать имплицитное присутствие Другого. Следовательно, исследование языковых средств, системно маркирующих слова Другого, особенно имплицитного, представляет научный интерес и определяет **цель** работы. Она заключается в изучении специфики коммуникативного взаимодействия в публичном академическом дискурсе с Другим, так как данная

фигура является неотъемлемым участником академической коммуникации.

Объектом настоящей статьи выступает ет публичная лекция.

Предмет исследования составляют языковые средства, маркирующие взаимодействие говорящего с Другим.

Научную новизну данной работы определяет введение в обиход научного исследования нового материала – публичных лекций отечественных учёных-лингвистов по вопросам языкознания за 2015–2020 гг. (В. И. Карасик¹, А. В. Кирилина², В. А. Плунгян³, А. А. Кибрик⁴), а также выявление и систематизация языковых средств, участвующих в конструировании диалога между говорящим и Другим.

Методологию исследования определяют положения, связанные с:

– представлением о диалогической природе общения и научной деятельности [2; 10; 12].

Как известно, научная деятельность строится на преемственности, новое знание базируется на предшествующем, следовательно, можно говорить о непрерывном диалоге с Другим, об интертекстуальных пересечениях между текстами как основе познания и движения вперёд. При этом интертекстуальность в академическом дискурсе получает отличную, например, от художественного дискурса

интерпретацию. Как утверждает Е. А. Баженова, в первом случае данная категория носит эксплицитный характер, маркируется специальными сигналами (кавычки, указание на источник чужой речи), разграничивающими предшествующее и авторское знание. В художественном дискурсе, напротив, интертекстуальность вносит элемент завуалированности и имплицитности, оставляя пространство для интерпретации интенций автора адресатом [1]. Похожая ситуация наблюдается и в области упоминания Другого. В философии Другой признаётся необходимым условием формирования самосознания индивида [9], в художественном дискурсе данная фигура создаёт полифонию, часто эксплицируется и наделяется определённой ролью [10]. В академическом дискурсе мы предлагаем понимать под Другим источник передаваемого смысла, к которому обращается говорящий с определённой целью – солидаризации с профессиональным сообществом, усилению собственной позиции, воздействия на адресата. Кроме того, Другой может служить идентификацией личности говорящего, например, его принадлежности к научной школе.

– применением дискурсивного анализа в русле французской школы, фокусно рассматривающей интенции говорящего, семантику языковых знаков и контекст [5; 11; 16].

Методической базой для французского анализа дискурса являются основные положения структурализма, а именно идея о разделении языка и речи. Речь трактуется представителями французской школы как действие, продуцируемое с учётом контекста (определённой ситуации), язык – как система, актуализируемая в речи [9]. При этом важно осознавать взаимосвязанность этих явлений. Конституирование анализа дискурса должно происходить на стыке между лингвистикой и другими науками (психологией, социологией и прочими), что позволит выработать методы интерпретации высказывания, проясня-

¹ Карасик В. И. Билингвизм как лингвокультурная ценность (22 октября 2020 г.) // Московский Дом соотечественника: YouTube-канал. URL: <https://youtu.be/LW83bsZPxsU> (дата обращения: 16.01.2023). Далее в тексте – В. И. Карасик.

² Кирилина А. В. Язык и пол (гендерная лингвистика) // МГПУ АРХИВ: YouTube-канал. URL: <https://youtu.be/tJQg35sg-4o> (дата обращения: 16.01.2023). Далее в тексте – А. В. Кирилина.

³ Плунгян В. А. Русский язык в современном мире // NSU LIFE: YouTube-канал. URL: <https://youtu.be/Abcki8MS474> (дата обращения: 16.01.2023). Далее в тексте – В. А. Плунгян.

⁴ Кибрик А. А. Язык в широкой перспективе // Институт перспективных исследований мозга МГУ: YouTube-канал. URL: https://youtu.be/_NM3LrMn-VNw (дата обращения: 16.01.2023). Далее в текст – А. А. Кибрик.

ющие его порождение и функционирование [5]. Таким образом, глобально анализ дискурса сводится к попытке объяснения феномена языкового общения через анализ институциональных практик. Как отмечает В. И. Карасик, дискурсивный анализ языковых единиц позволяет развить коммуникативный подход к описанию языка, неразрывно связанного с анализом условий достижения взаимопонимания между участниками акта коммуникации [4]. Данная установка коррелирует с принципом интеракционизма, развиваемом в отечественном анализе дискурса, в рамках которого коммуникация понимается как процесс взаимодействия, то есть со-участие коммуникантов (говорящего и Других) в едином процессе демонстрации и интерпретации смыслов [6]. В настоящем исследовании дискурсивный анализ позволяет выявить формульные выражения Другого в академическом дискурсе.

Коммуникативное взаимодействие говорящего с эксплицитным Другим

В ходе анализа теоретических работ по настоящей теме исследования становится очевидным, что Другой распространён в академическом дискурсе. Данная фигура получает эксплицитное и имплицитное выражение. Изучение эмпирического материала исследования позволило выделить три основных средства эксплицитного присутствия Другого в современных публичных лекциях:

1. Субстантивная группа: *Джоан Скотт предложила термин “gender”* [А. В. Кирилина]; *Гофман в своей работе описал механизм взаимодействия полов* [А. В. Кирилина]; *Мишель Фуко вводит в оборот понятие дискурсивной практики* [А. В. Кирилина]. Референция к классу: *Преподаватели иностранного языка в этом смысле люди очень подготовленные, и они знают всегда хорошо, на что нужно обращать внимание* [В. И. Карасик]; *Дело в том, что сначала как бы лидировали социологи, историки, и только потом на собственно гендерное исследование обра-*

тили внимание в лингвистике [А. В. Кирилина].

2. Метонимический перенос, который, как правило, представлен в виде обобщённого представления коллектива учёных в форме обозначения направления научного познания: *Однако гендерная лингвистика возникла, как и другие направления гендерных исследований, лишь примерно в середине XX века* [А. В. Кирилина].

3. Местоимение *мы*, потенциально включающее в дискурсивное пространство говорящего Другого, ввиду неыводимости референции к кому-то конкретно: *Кроме учебного билингвизма мы также говорим о билингвизме рабочем* [В. И. Карасик]; *Мы понимаем, что сейчас на глазах меняются требования к знанию иностранных языков, к владению иностранным языком* [В. И. Карасик]. Следует отметить, что психологи рассматривают местоимение *мы* как призыв к близкому и более качественному взаимодействию, в то время как местоимение *я*, с одной стороны, служит показателем осознания своей идентичности говорящим, с другой стороны – может сигнализировать о чрезмерном фокусировании индивида на себе [14]. Русскоязычной академической коммуникации присуще местоимение *мы* («авторское *мы*»), которое часто не является инклюзивным, однако служит проявлением скромности автора, стремлением к объективности изложения информации, признанием заслуг всего научного коллектива.

Очевидно, что форма публичной лекции, в рамках которой происходит взаимодействие лектора с аудиторией, требует от говорящего упоминания имён других учёных, так как это является маркером качества и объективности транслируемой информации. Эксплицитное присутствие Другого регистрируется слушающим без особых усилий, по сравнению с имплицитным Другим, так как явно обозначается говорящим. Основная сложность, связанная с выявлением и

анализом средств диалога с Другим, заключается в том, что они не грамматикализованы и получают дискурсивную интерпретацию только в контексте.

Коммуникативное взаимодействие говорящего с имплицитным Другим

Наличие имплицитного компонента в высказывании усложняет его содержание, адресату необходимо приложить дополнительные усилия, чтобы расшифровать сообщение. К системным средствам, вводящим имплицитного Другого, в данной работе, вслед за исследованием О. А. Сулеймановой [10], предлагается относить средства, среди которых отдельно выделяются:

– показатели эпистемической модальности *вероятно, возможно, по всей видимости*: *Героизм по-русски – это никогда не героизм напоказ. А по сути дела. Почему такое произошло? Вероятно, потому что в основе лежала другая прототипная ситуация. Скажем, наш героизм – это героизм на поле боя, с врагом, когда человек должен защищать своих и так далее* [В. И. Карасик];

– неопределённо-личные и безличные конструкции: *Поскольку интерпретировали категорию пола ещё с не научных позиций, то интерпретации были оценочного характера и совершенно не лингвистического* [А. В. Кирилина]; *Подразумевается, что есть разные типы билингвизма* [В. И. Карасик];

– предикаты потенциальности с модальными словами *возможно, необходимо*: *... обрисовать эти проблемы так, чтобы они были прозрачными для междисциплинарного изучения, и, возможно, с перспективой каких-то новых идей, или инсайтов, со стороны, в том числе, и специалистов в области нейронауки в будущем* [А. А. Кибрик];

– риторический вопрос: *И мы также отчетливо понимаем, что если бы человек XIX века увидел бы рядовой русский текст сегодняшний, он бы очень многого там не понял. Не только из-за реалий,*

но из-за языка в том числе. Хорошо это или плохо? Вообще нужно ли оценивать эти изменения? Если нужно, то как? И что делать, если что-то делать? [В. А. Плунгян].

Выделенные средства обладают повышенной степенью адресованности. Кроме того, они позволяют осуществить скрытую апелляцию к Другому. Различные оттенки смысла, вносимые таким образом говорящим, увеличивают иллокутивную силу высказывания, активизируют мыслительный процесс у слушающего. Данные единицы вносят в высказывание элемент субъективного, а также снижают степень присутствия субъекта высказывания. Говорящий не «закрывается» от иной точки зрения, наоборот, он проявляет готовность её принять. Примечательно, что в роли имплицитного Другого нередко выступает и говорящий, который, рассуждая, сам занимает позицию Другого, следящего за тем, какую реакцию могут вызвать его слова у аудитории, у потенциального Другого. Так, говорящий может усилить сообщение с помощью слов *действительно, конечно, именно*: *Лингвистически я занимаю здесь ангажированную позицию. Как лингвист, конечно же, я поддерживаю позицию номер два* [В. И. Карасик]; *Сейчас всё-таки я хотел бы поговорить именно о лингвокультуре и о тех характеристиках коммуникативного поведения, которые нам дороги* [В. И. Карасик]. Использование подобных слов упрощает восприятие информации слушающим, расстановка акцентов и чёткое обозначение позиции самого говорящего позволяет адресату прийти к верным выводам. Следовательно, мысль о Другом подталкивает говорящего на поиск оптимального способа взаимодействия в условиях профессионального общения.

Заключение

В рамках настоящей статьи на материале публичных лекций отечественных лингвистов были рассмотрены особенно-

сти коммуникативного взаимодействия в публичном академическом дискурсе. Значимым и неотъемлемым участником академической коммуникации признаётся фигура Другого, к которому обращается говорящий с целью модификации иллюкативной силы высказывания. Другой получает как эксплицитное, так и имплицитное выражение. Эксплицитно Другой чаще всего представлен субстантивной группой *X говорит / утверждает*, в конструкции с метонимическим переносом по типу учёные – сфера деятельности (*Лингвистика смотрит иначе*), местоимением *мы*, включающим в дискурсивное пространство говорящего Другого.

Более сложной формой взаимодействия с Другим является имплицитная,

которую маркируют: показатели эпистемической модальности в функции ослабления активного участия говорящего, сокращение дистанции с Другим; неопределённо-личные и безличные конструкции в функции смещения говорящим акцента в сторону действия, а не его субъекта; предикаты потенциальности в функции приглашения к совместной когнитивной операции, и, наконец, риторический вопрос, который, с одной стороны, нарушает успешность коммуникации, так как говорящий сам даёт ответ, с другой стороны – априори диалогичен, побуждает Другого поразмыслить над вопросом.

Дата поступления в редакцию 25.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. А. Научный текст и среда // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2010. № 2 (8). С. 60–64.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017. 640 с.
3. Водяницкая А. А. Когнитивные основания оценки в академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 181–186.
4. Карасик В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 61–72. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71.
5. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
7. Михалева Е. И., Пушинина И. В. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 45 (1). С. 113–124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12.
8. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 54–94.
9. Семенова Т. И. Феномен Другого в концептуализации внутренней сферы человека // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. С. 117–128.
10. Сулейманова О. А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 106–109.
11. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2020. 413 с.
12. Хутыз И. П. Средства диалогизации академического дискурса на русском и английском языках // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 59. С. 41–55.
13. Чернявская В. Е. Научный дискурс: выдвижение научного результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2017. 144 с.
14. Fitzsimons G. M., Kay A. C. Language and Interpersonal Cognition: Causal Effects of Variations in Pronoun Usage on Perceptions of Closeness // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 30. Iss. 5. P. 547–557. DOI: 10.1177/0146167203262852.
15. Hyland K., Jiang F. “We must conclude that...”: A Diachronic Study of Academic Engagement // Journal of English for Academic Purposes. 2016. Vol. 24. P. 29–42. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.09.003.
16. Peeters J. La médiation de l'étranger: une sociolinguistique de la traduction. Arras : Artois Presses Université, 1999. 368 p.
17. Sword H. Stylish academic writing. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. 240 p.

REFERENCES

1. Bazhenova Ye. A. [Scientific texts and the context]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, no. 2 (8), pp. 60–64.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 640 p.
3. Vodyanitskaya A. A. [Evaluation as a cognitive fundamental of academic discourse]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2018, no. 33, pp. 181–186.
4. Karasik V. I. [Discourse precision: functional characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3, vol. 2, pp. 61–72. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71.
5. Sériot P., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999. 416 p.
6. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 276 p.
7. Mikhaleva E. I., Pushinina I. V. [Pragmatic use of hedging in academic discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2022, no. 45 (1), pp. 113–124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12.
8. Authier-Revue J. [Explicit and constitutive heterogeneity: to the problem of the other in discourse]. In: Sériot P., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 54–94.
9. Semenova T. I. [The phenomenon of the Other in the conceptualization of the inner sphere of man]. In: *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. Moscow, Tezaurus Publ., 2011, pp. 117–128.
10. Suleymanova O. A. [Features of a language personality in academic discourse]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 2 (135), pp. 106–109.
11. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2020. 413 p.
12. Khoutyz I. P. [Dialogicity means in academic discourse in English and Russian]. In: *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [World of linguistics and communication: electronic scientific journal], 2020, no. 59, pp. 41–55.
13. Chernyavskaya V. Ye. *Nauchnyy diskurs: vydvizheniye nauchnogo rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema* [Scientific discourse: promotion of scientific results as a communicative and language problem]. Moscow, Lenand Publ., 2017. 144 p.
14. Fitzsimons G. M., Kay A. C. Language and Interpersonal Cognition: Causal Effects of Variations in Pronoun Usage on Perceptions of Closeness. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004, vol. 30, iss. 5, pp. 547–557. DOI: 10.1177/0146167203262852.
15. Hyland K., Jiang F. “We must conclude that...”: A Diachronic Study of Academic Engagement. In: *Journal of English for Academic Purposes*, 2016, vol. 24, pp. 29–42. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.09.003.
16. Peeters J. *La médiation de l'étranger: une sociolinguistique de la traduction*. Arras, Artois Presses Université, 1999. 368 p.
17. Sword H. *Stylish academic writing*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2016. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чекмаева Наталья Александровна – аспирант, ассистент кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета;
e-mail: n.chekmaeva@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Chekmaeva – Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University;
e-mail: n.chekmaeva@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чекмаева Н. А. Коммуникативное взаимодействие в русскоязычном публичном академическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 94–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-94-101

FOR CITATION

Chekmaeva N. A. Communicative interaction in Russian public academic discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 94–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-94-101